

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-86-92
УДК 343.131

Дата поступления статьи: 9/III/2019
Дата принятия статьи: 26/IV/2019

С. В. Корнакова

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И «СОВЕСТЬ» В НОРМАХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

© **Корнакова Светлана Викторовна** (Svetlana-kornakova@yandex.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Институт государства и права, **Байкальский государственный университет**, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Тема кандидатской диссертации: «Логические основы уголовно-процессуального доказывания». Автор и соавтор 85 научных работ, в том числе монографий: «Проблемы реализации принципа справедливости в Российском уголовном судопроизводстве» (2019), «Конституционно-правовые основы статуса судей Российской Федерации» (2019); учебных пособий: «Логика уголовно-процессуального доказывания» (2017), «Логика для юристов» (2017).

Область научных интересов: уголовно-процессуальное доказывание, нравственные основы права, профессиональная этика юриста, процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, принципы уголовного процесса, статус судьи.

АННОТАЦИЯ

В статье показано значение использования в нормах действующего уголовно-процессуального закона таких моральных категорий, как «справедливость» и «совесть». Показано, что категория «справедливость» используется законодателем исключительно в качестве одного из требований, предъявляемых к приговору суда, а категория «совесть» – в качестве критерия внутреннего убеждения субъекта в законности и обоснованности принятия любых решений в ходе производства по уголовному делу. Критически оценены суждения авторов, считающих, что все принимаемые в уголовном судопроизводстве решения и производимые на их основе процессуальные действия должны отвечать не только требованиям законности, обоснованности и мотивированности, но и требованию справедливости. Выявлены причины ограничения сферы действия требования справедливости в уголовном судопроизводстве, в связи с чем показана неправомерность упрека в адрес законодателя в отношении отсутствия требования справедливости в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Продемонстрирована обоснованность позиции законодателя, употребившего категории «справедливость» и «совесть» именно в тех нормах, где они содержатся, и невозможность их иного положения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, моральные категории, справедливость приговора, законность, уголовно-процессуальные решения.

Цитирование. Корнакова С. В. Место и значение моральных категорий «справедливость» и «совесть» в нормах действующего уголовно-процессуального закона // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-86-92>.

S. V. Kornakova

PLACE AND MEANING OF MORAL CATEGORIES «JUSTICE» AND «CONSCIENCE» IN THE NORMS OF THE CURRENT CRIMINAL PROCEDURE LAW

© **Kornakova Svetlana Viktorovna** (Svetlana-kornakova@yandex.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law, Criminology and the Criminal Process, Institute of State and Law, **Baikal State University**, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Logical framework of the criminal procedure proof. Author of 85 scientific works, including textbooks and monographs, a number of scientific papers written in collaboration: «Problems of realization of the principle of justice in the Russian criminal proceedings» (2019), Constitutional and legal basis of the status of judges of the Russian Federation (2019), «The logic of criminal procedural evidence» (2017), «The logic for lawyers» (2017).

Research interests: criminally-remedial evidence, moral foundations of law, professional ethics of a lawyer, procedural status of participants in criminal proceedings, principles of criminal procedure, status of a judge.

ABSTRACT

The article shows the importance of using such moral categories as «justice» and «conscience» in the norms of the current criminal procedure law. It is shown that the category of «justice» is used by the legislator only as one of the requirements for the verdict of the court, and the category of «conscience» – as a criterion of internal conviction of the subject in the legality and validity of any decisions in the course of criminal proceedings. The authors' judgments are critically evaluated, considering that all decisions made in criminal proceedings and procedural actions made on their basis must meet not only the requirements of legality, validity and motivation, but also the requirement of justice. The reasons for limiting the scope of the requirement of justice in criminal proceedings are revealed, in connection with which the illegality of the reproach against the legislator in respect of the lack of the requirement of justice in part 4 of Article 7 of the Code of Criminal Procedure is shown. The author demonstrates the validity of the position of the legislator who used the categories of «justice» and «conscience» in the norms where they are contained, and the impossibility of their other position.

Key words: criminal proceedings, moral category, justice of the sentence, legality, criminal procedure decisions.

Citation. Kornakova S. V. *Mesto i znachenie moral'nykh kategorii spravedlivost' i «sovest'» v normakh deistvuyushchego ugolovno-protsessual'nogo zakona* [Place and meaning of moral categories «justice» and «conscience» in the norms of the current criminal procedure law]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 2, pp. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-2-86-92> [in Russian].

Как известно, отличие моральных норм от норм права заключается в том, что последние должны быть сформулированы предельно точно, строго и однозначно для исключения их толкования, не соответствующего смыслу нормы. Моральные нормы, носящие обобщенный вековым опытом человечества мировоззренческий характер, не могут обладать такой точностью и строгостью определений. Тем не менее в нормах многих законодательных актов содержатся моральные категории, использование которых не только обогащает содержание норм права, но и придает им гуманистическую направленность. Более того, право для обеспечения правового порядка, для подчинения ему жизни общества не может обойтись без гибких категорий морали, благодаря которым становится возможным охватить правовым регулированием не только все известные, но и неизвестные

случаи и предложить для них соответствующую правовую трактовку.

Целью данной статьи является исследование значения использования законодателем в нормах уголовно-процессуального закона таких моральных категорий, как «справедливость» и «совесть», а также раскрытие причин и обоснование нахождения данных категорий в строго определенных нормах.

Так, согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ, «приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым». Следует подчеркнуть, что употребленная законодателем в тексте уголовно-процессуального закона 14 раз категория «справедливость» (включая понятие «несправедливость») практически в каждом случае связана исключительно с приговором суда. Единственный пример использования этого понятия в тексте присяги

присяжного заседателя (ч. 1 ст. 332 УПК РФ), призывающего его быть справедливым человеком, также можно соотносить с вынесением итогового решения по уголовному делу – в этом случае вердикта присяжных заседателей.

В свою очередь, моральная категория «совесть» содержится только в ст. 17 УПК РФ, устанавливающей критерии свободной оценки доказательств. Согласно ч. 1 указанной нормы, «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Следует заметить, что в обыденной речи, повседневном словоупотреблении выражения «поступать по совести» и «поступать по справедливости» расцениваются как синонимичные и взаимозаменяемые. Более того, если совесть – это осознание моральной ответственности за соответствие своего поведения должному, то справедливость, по Аристотелю, – это основанная на равенстве добродетель должного отношения к людям. Поэтому каждая из этих категорий отражает сферу должного, т. е. оценку на соответствие должному.

В этой связи возникает два взаимосвязанных принципиальных вопроса. Во-первых, почему бы законодателю не закрепить в ст. 17 УПК РФ положения о том, что доказательства должны оцениваться на основании требований закона и справедливости? И, во-вторых, почему в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, устанавливающей требования к определению суда и к постановлениям всех властных субъектов уголовного судопроизводства, наряду с законностью, обоснованностью и мотивированностью, не указано требование справедливости?

При ответе на эти вопросы представляется целесообразным начать с анализа и определения сферы действия категории «справедливость» и вытекающего из нее требования в уголовном судопроизводстве.

Содержание ч. 4 ст. 7 УПК РФ критически оценивается некоторыми авторами в связи с отсутствием в ней требования справедливости. По мнению некоторых ученых, все принимаемые в уголовном судопроизводстве решения и производимые на их основе процессуальные действия должны отвечать не только требованиям законности, обоснованности и мотивированности, но и требованию справедливости [1, с. 33].

По нашему мнению, несостоятельность приведенных утверждений демонстрирует общеизвестное положение о том, что право по своей природе вполне допускает прямое и косвенное принуждение. В справочной литературе принуждение определяется как действие, совершаемое против воли лица, по отношению к которому оно осуществляется. По Далю, смысловое значение понятия «принуждать кого-либо» отражают понятия «заставлять», «силовать», «поневолить» [2, с. 529], что весьма затруднительно отнести к проявлению

должного отношения к человеку, а значит, и к соответствующему категории «справедливость».

Процесс реализации права, по мнению В. С. Соловьева, имеет своей непосредственной целью осуществление известного блага, которым является общественная безопасность. При таком целеполагании принудительная сила закона становится необходимостью [3, с. 80–81]. Реализуя охранительную функцию, государство наделяет право признаком организованного принуждения, предусматривая в законе для этой цели определенные средства. В частности, такими средствами будут угрозы, содержащиеся в законодательных нормах, отражающие прямое побуждение к следованию предписаниям закона, а также санкции в случае их неисполнения. Поэтому способность права поддерживать свое императивное значение аппаратом принуждения является одним из существенных признаков, отличающих право от нравственности.

Следует отметить, что утверждения о необходимости распространения требований справедливости на все процессуальные решения и криминалистические средства, в частности на способ получения доказательств по уголовному делу, чаще всего высказываются теоретиками уголовно-процессуального права. Ученые-криминалисты и юристы-практики более осторожны в использовании категории «справедливость» и по отношению к средствам и способам получения доказательств в процессе расследования уголовного дела и используют категории «необходимость и достаточность», «адекватность», «эффективность», «оптимальность», «правомерность», «обоснованность», «целесообразность» и т. д., но только не «справедливость».

Действительно, в процессе производства по уголовному делу используются методы и средства, которые с точки зрения закона могут являться правомерными, но при этом противоречащими нравственным требованиям.

Так, Р. С. Белкин, оценивая методы и средства раскрытия и расследования преступлений с этических позиций, отмечал, что посредством такой оценки решаются два вопроса: во-первых, вопрос допустимости самих методов и средств – этот критерий носит абсолютный характер и определяет возможность или невозможность их использования. Например, законом прямо установлено требование проведения освидетельствования лицом того же пола, что и освидетельствуемый.

Во-вторых, это вопрос соответствия применения установленных законом методов и средств расследования уголовного дела нормам морали. По мнению указанного ученого, этот критерий по своей природе является весьма относительным, поскольку оценка допустимости с точки зрения закона применяемых методов и средств в конкретной ситуации, причиняя участвующим в деле лицам моральный вред, может в связи с этим не соответствовать нормам нравственности. Так, следователь, действуя в рамках закона, но пренебрегая моральными требованиями, иногда может

осуществлять задержание подозреваемого лица на глазах у членов его семьи, в том числе несовершеннолетних детей [4, с. 97]. Также, безусловно, аморальными являются такие действия следователя, как прослушивание чужих разговоров, чтение чужих писем, требование обнажения в присутствии посторонних, но при определенных обстоятельствах закон позволяет делать это [4, с. 113]. Поэтому процесс расследования преступлений, предполагающий противоборство сторон, неизбежно связан с наличием ситуаций, оценка которых может не соответствовать нравственности. В частности, мораль отрицает и осуждает все виды обмана, но в практике расследования преступлений некоторые из них могут оцениваться как допустимые, например создание преувеличенного представления об осведомленности следователя, его интеллектуальных способностях, об объеме и информативности имеющихся у него доказательств; о познавательных возможностях разного рода экспертиз и т. д. Следует попутно отметить, что по поводу некоторых из рекомендуемых криминалистическими методиками так называемых «психологических ловушек» нами разделяется позиция ученых, которые считают, что неизбежно, применяя их, субъект доказывания «стоит на грани лжи и провокации» [5, с. 83], что трудно назвать соответствующим как закону, так и нравственности. Тем не менее в этом отношении, безусловно, обоснованным видится вывод А. С. Князькова о том, что оценка нравственности поступка лица, ведущего производство по уголовному делу, может быть однозначной только в случае, если нравственное является атрибутом законного, точно названного в правовой норме и исключающего возможность его различного, неоднозначного истолкования, поведения [6, с. 125].

Основанием выбора следователем использования тактического средства должен быть принцип «меньшего зла». Подобный подход предполагает предварительный анализ и соотнесение возможных положительных и отрицательных последствий выбора, пользы или вреда в случае использования или отказа от использования того или иного средства. Именно в ситуации выбора решения возрастает роль совести, под которой понимается наличие способности к пониманию, критической оценке и переживанию несоответствия своего поведения должному. При этом должное при производстве по уголовному делу – это в первую очередь закон.

Совесть выступает критерием внутреннего убеждения в законности и обоснованности выбора. Поэтому единственным нравственным критерием, с позиций которого в процессе расследования преступлений следует оценивать допустимость применяемых тактических средств, является наличие свободы выбора более соответствующей нравственности линии поведения, в случае отсутствия которой выбор средства диктуется законом. Таким образом, закон «управляет» всей процессуальной деятельностью лиц, уполномоченных принимать

решения, воздействуя на их сознание и совесть, формируя их внутреннее убеждение.

Совесть называют «другой стороной долга», в данном случае не только профессионального, но и морального долга, что предполагает нравственную ответственность перед обществом и самим собой, внутренний нравственный самоконтроль при принятии процессуальных решений в ходе производства по уголовному делу. В этом отношении справедливо утверждение П. А. Лупинской, которая отмечала, что «закрепление нравственной категории «совесть» в законе подчеркивает нравственный характер деятельности лиц, принимающих решение, служит обеспечению независимости и свободы при выражении своего убеждения» [7, с. 81]. Приведенное утверждение, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает особый и важный смысл закрепления моральной категории «совесть» в ст. 17 УПК РФ, что неоднократно подчеркивалось в научных публикациях [8–11]. Использование законодателем категорий морали призвано обеспечивать свободу выражения своего убеждения при принятии решений лицами, осуществляющими производство по уголовному делу [12, с. 275].

Что касается содержания ч. 4 ст. 7 УПК РФ, то закрепленные в ней требования законности, обоснованности и мотивированности представляются необходимыми и достаточными, если речь идет о решениях, принимаемых при возбуждении, расследовании и рассмотрении уголовных дел, поскольку производимые на их основании действия затруднительно отнести к свободным от принуждения, а значит, и оценить с позиции справедливости. В этом, по нашему мнению, заключается объяснение правомерности отсутствия в указанной норме требования справедливости, а также необоснованность упрека в адрес законодателя в отношении отсутствия требования справедливости в указанной норме.

Между тем З. В. Макарова считает, что реализация принципа справедливости в уголовном судопроизводстве возможна лишь в случае справедливого возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела [13, с. 54]. На наш взгляд, в этой связи трудно не согласиться с позицией В. М. Сырых, утверждающего, что многие, если не все, процессуальные отношения остаются нейтральными относительно принципа справедливости, а нормы, связанные со сферой государственного принуждения, и вовсе ему противоречат. Следовательно, требование справедливости на всю систему права претендовать не может [14, с. 14, 16]. Нами разделяется также точка зрения ученых, отрицающих возможность применения критерия справедливости в отношении любых процессуальных решений, кроме приговора [15, с. 70–73], а сама постановка вопроса о соответствии требованию справедливости решений о возбуждении уголовного дела или о производстве кого-либо процессуального действия представляется, по меньшей мере, надуманной.

Если приговор суда как результат разрешения уголовного дела можно и должно оценивать с позиции справедливости, то к решениям и действиям, применяемым в ходе досудебного производства по уголовному делу, тем более к применению мер пресечения, категория справедливости вряд ли применима.

Между тем И. В. Ростовщиков относит к справедливым лишь те меры пресечения, которые являются соразмерными с действительной необходимостью, адекватны обстоятельствам уголовного дела. При этом указанный автор к руководящим началам производства по уголовному делу относит положение о том, что «вред, причиненный преступлением правам граждан, должен быть не меньшим, нежели наступающий вследствие необходимого по делу ограничения прав других лиц» [16, с. 53].

Основанием для критики подобного рода утверждений является принципиальное положение о том, что в ходе производства по уголовному делу, когда ни само событие преступления, ни виновность в его совершении заподозренного лица еще не доказаны в предусмотренном законом порядке, преждевременной является сама постановка вопроса о соизмерении вреда, наступившего вследствие совершения преступления, и вреда, причиняемого в ходе расследования и раскрытия этого преступления. Думается, что такая возможность противоречит не только презумпции невиновности, но и требованию справедливости, поскольку до вынесения в отношении лица обвинительного приговора его справедливо считать невиновным. Презумпция невиновности относится к конституционным принципам, гарантирующим соблюдение прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений (ст. 49 Конституции РФ) [17, с. 39].

Категория «справедливость» обоснованно соотносится законодателем исключительно с предусмотренным уголовным законом наказанием за совершение запрещенного этим законом деяния, другими словами, рассматривается с точки зрения материального права. Этим обусловлено использование законодателем в тексте уголовно-процессуального закона понятия «справедливость» только в связи с вынесением итогового решения по уголовному делу – приговора суда (ст. 297 УПК РФ).

Российский правовед В. А. Рязановский, характеризуя природу процессуального права, отмечал, что оно представляет собой в первую очередь «установление права государства на наказание лица» [18, с. 42–43]. Другими словами, такое право может быть установлено только по результату судебного разбирательства приговором суда. Из этого следует закономерный вывод: для оценки любого процессуального решения по уголовному делу до вынесения по нему приговора суда исчерпывающими являются категории законности, обоснованности и мотивированности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что требование справедливости затруднительно отнести к разряду принципов уголовного судопроизводства, поскольку его действие ограничено спецификой процесса расследования преступлений. Поэтому при принятии решений в ходе производства по уголовному делу детерминирующим является требование законности с опорой на совесть как нравственный критерий обоснованности принятия решений, что предполагает моральную ответственность субъекта принятия решения не только перед обществом, но и перед самим собой. В свою очередь, справедливость наряду с законностью и обоснованностью должна быть руководящим требованием при принятии итогового решения по уголовному делу (ст. 297 УПК РФ). Принцип справедливости, по правомерному мнению В. В. Мальцева, представляет собой «скорее общее начало назначения наказания, нежели выражает главенствующий принцип, на котором зиждется все уголовное судопроизводство» [19, с. 98]. Поэтому справедливость, являясь одним из определяющих и руководящих принципов российского права, предполагает соответствие назначения, целей и задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства идеям этого принципа.

Таким образом, нами показаны не только значение использования таких моральных категорий, как «справедливость» и «совесть» в нормах уголовно-процессуального закона, но и обоснованность позиции законодателя, употребившего данные категории именно в тех нормах, где они содержатся, и невозможность их иного положения.

Библиографический список

1. Иванова С. А. Реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1 (20). С. 28–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16897476>.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2006. 736 с. URL: https://ct4.ucoz.ru/publ/bibc4/18_s/sbn_001/19-1-0-150.
3. Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija>.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с. URL: <http://advokat66.su/wp-content/uploads/2015/09/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BC-%D0%BA%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8B-%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE-%D0%B4%D0%BD%D1%8F.pdf>.
5. Кобликов А. С. Юридическая этика: учеб. для вузов. 2-е изд., изм.. М.: Норма, 2004. 176 с. URL: <https://all-sci.net/etika-yuridicheskaya/yuridicheskaya-etika-uchebnik-dlya-vuzov-izd.html>.

6. Князьков А. С. Концептуальные положения тактического приема. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012. 190 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244518>.

7. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 240 с. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/140>.

8. Мельник В. Нравственные основы искусства защиты и обвинения. Роль совести в процессе доказывания // Российская юстиция. 1996. № 3. С. 6–8.

9. Субботина И. Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2000. 216 с. URL: <https://www.lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030581027.doc.html>.

10. Смолькова И. В. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве / сост. И. В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2012. 688 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2230744.html>.

11. Смирнова И. Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 144–148. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15219641>.

12. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / под науч. ред. И. В. Смольковой. М.: Юрлитинформ, 2015. 384 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23783357>.

13. Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7. С. 154–156. URL: <https://vestniklaw.susu.ru/29/Makarova.pdf>.

14. Сырых В. М. По справедливости о юридической справедливости // Правовая и политическая жизнь общества. 2015. № 1 (58). С. 8–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24245412>.

15. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2006. 220 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759484>.

16. Ростовщиков И. В. Справедливость и охрана прав личности на предварительном следствии // Проблемы демократизации предварительного следствия. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1989. С. 47–53. URL: <http://lawlibrary.ru/article1087150.html>.

17. Литвинцева Н. Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 31–39.

18. Рязановский В. А. Единство процесса // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. гос. ун-та. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1920. С. 42–47.

19. Мальцев В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. № 2. С. 98–102. URL: <http://igpran.ru/journal/public/1997-2.pdf>.

2. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian language. Modern version]. M.: EKSMO, 2006. 736 p. Available at: https://ct4.ucoz.ru/publ/bibc4/18_s/sbn_001/19-1-0-150 [in Russian].

3. Solovyov V. S. *Opravdanie dobra: Nравstvennaya filosofiya* [The Justification of the Good: Moral Philosophy]. M.: Respublika, 1996, 479 p. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/opravdanie-dobra-nravstvennaja-filosofija>.

4. Belkin R. S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki* [Criminology: the problems of today. Topical issues of Russian criminology]. M.: NORMA, 2001, 240 p. Available at: <http://advokat66.su/wp-content/uploads/2015/09/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%BC-%D0%BA%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8B-%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8F-%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE-%D0%B4%D0%BD%D1%8F.pdf> [in Russian].

5. Koblikov A. S. *Yuridicheskaya etika: ucheb. dlya vuzov. 2-e izd., izm.* [Legal ethics: textbook for universities. 2nd edition, modified]. M.: Norma, 2004, 176 p. Available at: <https://all-sci.net/etika-yuridicheskaya/yuridicheskaya-etika-uchebnik-dlya-vuzov-izd.html> [in Russian].

6. Knyazkov A. S. *Kontseptual'nye polozeniya takticheskogo priema* [Conceptual provisions of the tactic]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2012, 190 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21244518> [in Russian].

7. Lupinskaya P. A. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd., pererab. i dop.* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Norma, Infra-M, 2010, 240 p. Available at: <https://www.lawmix.ru/commlaw/140>

8. [in Russian].

9. Melnik V. *Nравstvennye osnovy iskusstva zashchity i obvineniya. Rol' sovesti v protsesse dokazyvaniya* [Moral foundations of the art of defense and prosecution. The role of conscience in the process of proof]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 1996, no. 3, pp. 6–8 [in Russian].

10. Subbotina I. G. *Nравstvennye nachala predvaritel'nogo rassledovaniya (na osnove sravnitel'nogo analiza UPK RSFSR i UPK RF): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09* [Moral beginning of the preliminary investigation (based on a comparative analysis of the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Irkutsk, 2000, 216 p. Available at: <https://www.lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030581027.doc.html> [in Russian].

11. Smolkova I. V. *Velikie i vydayushchiesya, znamenitye i izvestnye lichnosti ob ugolovnom sudoproizvodstve. Sost. I. V. Smol'kova* [Great and outstanding, famous and well-known personalities in criminal procedure. Compiler I. V. Smolkova]. M.: YurLitinform, 2012, 688 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2230744.html> [in Russian].

12. Sмирнова И. Г. *Tsennost' kak osnovnaya kategoriya aksiologii i ee znachenie v prave* [Value as a main category in axiology and its meaning in law]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Bulletin of Baikal State University], 2010, no. 5, pp. 144–148. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15219641> [in Russian].

References

1. Ivanova S. A. *Realizatsiya printsipa sotsial'noi spravedlivosti v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti* [Realization of the social justice in right application activity]. *Uchenye trudy Rossijskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary], 2011, no. 1 (20), pp. 28–38. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16897476> [in Russian].

13. *Printsipy sovremennogo rossiiskogo ugovnogo sudoproizvodstva. Pod nauch. red. I. V. Smol'kovoi* [Principles of modern Russian criminal procedure. I. V. Smolkova (Ed.)]. M.: Yurlitinform, 2015, 384 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23783357> [in Russian].
14. Makarova Z. V. *Spravedlivost' v ugovnom sudoproizvodstve* [Justice in criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2012, no. 7, pp. 154–156. Available at: <https://vestniklaw.susu.ru/29/Makarova.pdf> [in Russian].
15. Syryh V. M. *Po spravedlivosti o yuridicheskoi spravedlivosti* [On justice about legal justice]. *Pravovaya i politicheskaya zhizn' obshchestva* [Legal and political life of society], 2015, no. 1 (58), pp. 8–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24245412> [in Russian].
16. Baranov A. M. *Obespechenie zakonnosti v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [Ensuring the rule of law in pre-trial criminal proceedings]. Omsk: Izd-vo Omsk. akad. MVD Rossii, 2006, 220 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759484> [in Russian].
17. Rostovshchikov I. V. *Spravedlivost' i okhrana prav lichnosti na predvaritel'nom sledstvii* [Justice and protection of individual rights in the preliminary investigation]. In: *Problemy demokratizatsii predvaritel'nogo sledstviya* [Problems of democratization of the preliminary investigation]. Volgograd: Izd-vo VSSh MVD SSSR, 1989, pp. 47–53. Available at: <http://lawlibrary.ru/article1087150.html> [in Russian].
18. Litvintseva N. Yu. *Zakonnost' pri proizvodstve po ugovnomu delu* [Legality in criminal proceedings]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings], 2016, no. 6 (14), pp. 31–39.
19. Ryazanovsky V. A. *Edinstvo protsessa* [Unity of the process]. In: *Sb. tr. professorov i prepodavatelei Irkut. gos. un-ta* [Collection of works of professors and teachers of Irkutsk State University]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1920, pp. 42–47 [in Russian].
20. Mal'cev V. V. *Printsipy ugovnogo zakonodatel'stva i obshchestvenno opasnoe povedenie* [Principles of penal legislation and socially dangerous behaviour]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1997, no. 2, pp. 98–102. Available at: <http://igpran.ru/journal/public/1997-2.pdf> [in Russian].